Война пришла на Славкенберг.

С самого дня Восстания все жили с осознанием неизбежности этого. Хотя никто не сожалел о своем неповиновении, они знали, что Империум придет, чтобы наказать их за восстание против его тирании. Некоторые надеялись, что этот день настанет еще только через несколько лет, но все так или иначе готовились к нему, полагаясь на то, что Совет Освобождения укажет им путь.

И вот, этот час настал.

Сообщение инквизитора Карамазова передавалось в незашифрованном виде на всех частотах, до которых мог дотянуться его корабль, а системы «Пылающего возмездия» были гораздо более совершенными, чем все на планете, кроме разве что священной технологии, использованной при строительстве подводных генераторов мира. Каждый человек на планете точно знал их мрачную участь, если Империум победит Совет Освобождения. После поколений под властью Гиорбы угрозы гибели и рабства со стороны Карамазова были именно тем, чего они и ожидали от Инквизитора, хорошо известного как величайшее орудие террора и угнетения в арсенале Империума.

Если силовики Гиорбы были монстрами, похищающими людей ночью (или средь бела дня, они никогда не стеснялись своих злодеяний), то инквизиторы были персонажами ужасающих историй, о которых говорили, что они скорее сожгут целые планеты, чем позволяют хоть одному так называемому «еретику» уцелеть — и любой, кто в точности не следовал воле Империума, был в их глазах еретиком.Но если Карамазов думал сломить решимость защитников Славкенберга, то безумец жестоко ошибался, ибо народ не позволял страху овладеть собой. Теперь, когда они знали по опыту, что с жестокими силовиками Империума можно сражаться и победить, они не позволили гневу возобладать над собой и подтолкнуть к ошибкам. Освободитель произнес свою собственную речь в ответ на речь бешеного Инквизитора, и эти двое не могли быть более разными. Спокойные и собранные слова Каина, несмотря на то, что у него было больше причин ненавидеть Империум и опасаться их победы, чем у большинства на Славкенберге, охладили пылкий нрав и закалили их до стальной решимости.

Вместо того, чтобы поддаться своим эмоциям, горожане черпали в них силы и делали все возможное, чтобы помочь в защите своего мира. На оружейных заводах рабочие удвоили свои усилия, решив не допустить, чтобы в Объединенную армию Славкенберга попало оборудование, не соответствовавшее строгим стандартам Боргов. Когда поселения, что были ближе всех к имперской зоне высадки, были эвакуированы, гражданские открыли свои дома для беженцев, поделившись тем немногим, что у них было, даже несмотря на то, что Совет обеспечил достаточное количество припасов для удовлетворения основных потребностей каждого. Новые культы, выросшие без удушающей тени Экклезиархии, побуждали людей молиться, призывая на помощь Силы, которым они поклонялись. И со всего Славкенберга на врага двинулись силы ОАС, чьи сердца горели огнем решимости.

Вкусив свободы, они поклялись, что их мир не вернется к темным дням рабства и тирании Империума.

***

Когда я вошел в только что построенный бункер, я изо всех сил старался скрыть свое облегчение от того, что выбрался из холода. В укрепленном сооружении было не на что смотреть, но оно обеспечивало защиту от бушующих снаружи зимних ветров. Рядом со мной

Юрген казался совершенно равнодушным к температуре, но с другой стороны, он был вальхалльцем, и, даже покинув свой ледяной родной мир много лет назад, он все еще был привычен к гораздо более суровому климату.

«Полковник Игдал», — поприветствовал я темнокожего мужчину, который был главнокомандующим силами ОАС в этом районе.

Мы уже встречались раньше: он был одним из бывших офицеров СПО, которые обратились к Кхорну, когда их недовольство делами на Славкенберге превратилось в полномасштабные мятежные настроения. Глядя на него сейчас, было ясно, что он подверг себя тому же безумному режиму тренировок, который я намеревался саботировать в ОАС: несмотря на то, что я был значительно выше его, я был почти уверен, что он перевешивал меня одной только мышечной массой.

«Лорд Освободитель», — ответил он, салютуя мне четким салютом, который повторили все остальные в командном бункере. «Мистер Юрген», — добавил он, кивнув моему помощнику. «Добро пожаловать на передовую, какой бы она ни была».

Я сделал вид, что оглядываюсь вокруг с одобрением. Командный бункер был голым, наскоро собранным из феррокритовых блоков, вбитых в нужное положение, как и большинство укреплений вокруг зоны высадки имперской экспедиции. Мой взгляд ненадолго остановился на нелепом виде сковороды, украшенной цветами, стоящей на маленькой печке — несомненно, подарок какого-то гражданского из близлежащих эвакуированных деревень.

«Вы провели хорошую работу, собрав все так быстро», — сказал я Игдалу, и он приосанился в ответ на комплимент, как малолетка, которому вручают новенький затупленный меч на День Императора. — «Есть ли новости о наших незваных гостях?»

«Нет, сэр», — ответил он с сухой улыбкой на мою, по сути, слабую шутку. — «Они сидят в своей норе, как вы и предсказывали. Да и не то чтобы они могли прорваться, даже если бы попытались!»

«Конечно, конечно», — сказал я со всей видимостью искренностью.

После речи Карамазова я сделал собственную трансляцию на всю планету, изрекая кучу банальностей о том, как, работая вместе, мы можем дать отпор имперской оперативной группе и сохранить нашу свободу (а также наши жизни и, самое главное, мою собственную). Все прошло довольно хорошо, но затем нужно было либо поверить в это, либо принять неизбежность нашей гибели, и при выборе между этими вариантами большинство людей будут надеяться до самого конца. В то время моей единственной целью было удержать людей от паники, поскольку я слишком легко мог представить, как толпа схватит меня и остальных членов Совета, чтобы передать нас Инквизитору в обмен на помилование — или, что еще хуже, обратится к культам и пойдет на крайние меры с человеческими жертвоприношениями в надежде, что Темные Боги спасут их.Теперь, когда у меня было время расслабиться и подумать о речи Карамазова, я понял, что произошло нечто большее, чем казалось очевидным на первый взгляд. Как я сказал в военной комнате, выбор имперцами места для посадки не имел смысла, если их целью было именно освобождение планеты. Если что и было для меня очевидным, то кто бы ни руководил Имперской экспедицией (Карамазов мог быть ее номинальным руководителем, но я сомневался, что он был кем-то большим, чем формальным лидером, до кучи выступающим в качестве советника по еретическим вопросам при фактических военачальниках), он должен был это понимать.

Очевидно, Инквизитор преднамеренно провоцировал нас, чтобы заставить нас ворваться в неблагоприятную местность и таким образом сгубить как можно больше солдат ОАС, прежде чем выдвинуться для захвата планеты после того, как хребет США будет сломан, вместе с моралью повстанцев. Стоило признать, все это имело смысл: меня самого учили, что еретики часто полностью пренебрегали своей жизнью, а также правильной тактикой. Что было вполне логично, поскольку такие люди оказались достаточно глупы, чтобы отвернуться от Императора.

Конечно, восстание показало, что еретики самого Славкенберга были немного умнее среднего, но Карамазов работал с ограниченной информацией, и я не сомневался, что такая схема отлично сработала бы в большинстве случаев, и, вероятно, раньше в карьере самого Инквизитора. На мне самом лежала доля ответственности, так как генерал Малоне был полностью готов начать массированный штурм горных укреплений имперцев, пока я не указал на очевидную опасность такого курса действий. Что было еще до того, как я оправился от угроз Карамазова и начал искать выход из положения, как трущобная крыса в рухнувшем жилом блоке.

Таким образом, вместо того, чтобы преодолевать опасные горные тропы, ведущие к курорту, ОАС создали зону сдерживания на равнинах у подножия гор, создав буфер между имперскими силами и гражданским населением. Жители ближайших поселений были переселены, и ОАС окопались, наконец применив на практике подготовку, которой я их подверг (в надеждах, что недели, проведенные за разгребанием грязи, хоть как-то деморализуют их).

С тех пор прошло две недели, и к тому моменту, как мягкая осень сменилась зимой, а температура в северном полушарии резко упала, ни одна из армий так и не предприняла никаких действий. Технически, время было на стороне Освободительного совета, ведь каждый прошедший день означал, что с заводов в проходящие обучение войска отправляли все больше оружия, а это означало, что между мной и Инквизицией вставало все больше тел. Конечно, это также означало, что подкрепления самих имперцев тоже были все ближе, но с этим я ничего не мог поделать, а потому решительно выбросил из головы, просто чтобы не сойти с ума от ужаса.

Как только я понял, каков был настоящий план Карамазова, я подумал о том, чтобы все равно попытаться заставить ОАС атаковать, но, хотя мне, возможно, и удалось бы убедить их в успехе благодаря моей мошеннической репутации, но полученные потери едва ли полностью уничтожили бы их. И тогда я бы остался с тысячами очень обозленных на меня культистов Кхорна. Кроме того, они вероятно ожидали, что я возглавлю эту безумную атаку с фронта, и, посмотрев на карту и изображения с ауспиков наших кораблей на орбите, я не желал иметь ничего общего с этим самоубийством.

«Вы навестите людей в окопах?» — спросил Игдаль. — «Ваше присутствие сильно поднимет их боевой дух».

Ничего подобного я, конечно, делать не хотел, так как мысль о том, чтобы покинуть бункер и тащиться обратно на мороз, меня ни капли не привлекала. К сожалению, особого выбора у меня не было. Единственной причиной моего присутствия здесь была, в конце концов, поддержка морали в войсках, чтобы убедить всех на планете, что я действительно делаю все в моих силах, чтобы обеспечить их безопасность (что, окольным путем, было правдой, поскольку они были бы в большей безопасности под властью Империума, чем с еретиками из Совета Освобождения во главе) и свободным (что, совершенно точно было неправдой, поскольку я бы вернул планету Империуму в мгновение ока, если бы мог сделать это и выжить в процессе, но им и не нужно было этого знать).

Кроме того, как я уже сказал, имперцы не предприняли никаких действий с самого окончания развертывания, поэтому я был уверен, что самой большой опасностью, с которой мне придется столкнуться, будет простуда или возможность выставить себя дураком перед солдатами, поскользнувшись на грязном льду.

Я был, разумеется, неправ.

Все началось достаточно хорошо. Мы проехали за линию траншей и наспех построенных укреплений на военной машине вместе с полковником Игдалем и горсткой прихлебателей: Юрген и я прибыли на фронт на одном из нескольких отремонтированных аэромобилей, ранее принадлежавших губернатору. Мы несколько раз останавливались, и Игдаль вел меня через окопы, солдаты в которых были поражены появлением среди них Освободителя. Я обменялся рукопожатием с несколькими случайными солдатами и произнес несколько банальностей, опираясь на свою комиссарскую подготовку (хотя я сделал определенные поправки, принимающие во внимание лояльность моей аудитории).

В конце концов, после нескольких часов этого путешествия, мы достигли конца линии укреплений, резко переходящей в возвышающиеся холмы, которые в свою очередь переходили в горы. Внезапно вокс наполнился встревоженными голосами. Я носил в ухе собственную коммуникационную бусину, которая была запрограммирована на доступ ко всем каналам, используемым в ОАС.

«Имперцы атакуют!» — прокричал кто-то.

"Что?" — Я прошептал, прежде чем заговорить громче, — «Говорит Каин», и хор голосов внезапно смолк. Насколько я знал, на Славкенберге не было никого с моей фамилией, и в любом случае они, вероятно, узнали мой голос по всем тем радиопередачам, которые я вел. — «Как они смогли спустить свои машины с горы?!»

«Они… они этого не сделали, господин. В данный момент мы видим только пехоту».

Взяв бинокль у испуганного солдата, я увеличил изображение основания горы. Сотни, тысячи гвардейцев в толстых зимних плащах, в которых я сразу узнал вальхалльцев, неслись прямо через равнины к нам. Каким-то образом гвардейцы спустились с горы по немногочисленным тропам, ведущим к курорту, ни одна из которых не использовалась уже более века.

Я обвел взглядом фронт в поисках танков и транспортов, но ничего не нашел. Это действительно выглядело как атака пехоты без поддержки на подготовленные позиции противника, но кто мог быть настолько глуп, чтобы попробовать что-то подобное?

«Все войска, — сказал Игдаль рядом со мной, сказанные спокойным и собранным голосом слова разнеслись по всей линии обороны, — «огонь по готовности. За Славкенберг!»

"За Славкенберг!" — заревели солдаты вокруг меня, и я рефлекторно присоединился к ним.

За этим последовала настоящая бойня, во время которой ОАС просто порвали гвардейцев, атаковавших нас на открытой равнине, лишенной укрытия и неспособных даже по-настоящему собрать свои силы для наступления, поскольку они просачивались на поле боя с узких тропинок. Пулеметы уничтожали сразу целые отделения, но имперцы продолжали наступать.

Время от времени лазерный луч со стороны атакующих имперцев попадал в солдата ОАС, но даже эти удачные выстрелы не пробивали панцирную броню, в которую был облачен каждый солдат на передовой. Заводы боргов производили тонны и тонны бронепластика, которых

аккурат хватило, чтобы оснастить целые батальоны, как только еретики разобрались, как воспроизвести доспехи элитных силовиков Гиорбы. Я предусмотрительно взял с собой сшитый на заказ костюм, который мне прислали борги, и надел его под модифицированную форму.

Поняв, что мне нужно создать иллюзию активного участия, я выхватил чересчур разукрашенный болт-пистолет покойного и неоплаканного губернатора и неприцельно выстрелил в сторону врага. К моему удивлению, мой первый снаряд попал в Стража, который чудом спустился с гор (насколько я мог видеть, единственная машина, которой это удалось, и мне стало интересно, сколько других погибло в попытках спуститься) в колено, попав в слабое место его бронированного сустава, прежде чем взорваться. Двуногий шагоход тут же опрокинулся, и при виде этого зрелища со всех сторон раздались аплодисменты защитников, немедля удвоивших свои усилия.

«Отличный выстрел, сэр», — отметил Юрген, стоя в шаге позади меня. В этот момент я очень хотел придушить его; и мог бы попытаться, если бы не знание, что он мог разорвать меня на куски усилием мысли.

«Спасибо, Юрген», — сказал я вместо этого.

«Если желаете, я мог бы помочь, сэр», — он предложил. Я сделал вид, что обдумываю его предложение, прежде чем покачать головой.

«Лучше побереги свои силы до тех пор, пока они действительно не понадобятся», — сказал я ему.

Истинная причина моего решения, конечно же, заключалась в том, что, хотя до сих пор Юрген полностью контролировал свои способности, меня учили, что одной из обязанностей комиссара является следить за любым псайкером, назначенным в их полк, и быть готовы даровать им Милость Императора, если они поддадутся безымянным ужасам из глубин Варпа. С учетом текущей ситуации в битве, казалось, не было никакой необходимости в подобном риске, особенно когда я стоял рядом с ним.

Тем более, что несколько мгновений спустя артиллерия ОАС начала вести весьма результативный огонь. Старые Славкенбергские СПО не располагали большим количеством артиллерии: если я правильно помнил архивы, Гиорба рисковать возможной порчей пейзажа, который туристы могли наблюдать из своих окон. Все же существующие части были в ужасающем состоянии из-за отсутствия надлежащего обслуживания, но борги сумели отремонтировать их и построить несколько новых орудий. Схем орудий у них, разумеется, не было, но, по словам Тесилона-Каппы, разобраться в конструкции большой пушки действительно было не так уж сложно по сравнению с обслуживанием генераторов тысячелетней давности. Несмотря на это, артиллерия ОАС все же намного уступала артиллерии типичного подразделения Имперской гвардии.

Но нехватка артиллерии все же лучше, чем полное ее отсутствие, что и ощутили теперь на себе имперцы. По приказу корректировщиков, разбросанных по всему строю, посыпался дождь из снарядов, и тысячи гвардейцев были разорваны на куски, а земля превратилась в кровавую грязь. Через несколько минут беспорядочный лазерный огонь по нашим оборонительным позициям полностью прекратился.

«Прекратить огонь!» — услышал я чей-то голос. Еще мгновение мне потребовалось, чтобы понять, что это был я сам. Почему я сделал такую глупость, я так никогда и не узнаю, но у меня не было времени размышлять, поскольку полковник Игдал уставился на меня так, как

будто я только что предложил заменить все лазганы в ОАС цветами.

«Лорд Освободитель?»

«Прекратить огонь!» — Я судорожно обдумывал оправдание, которое он принял бы, и, к счастью, нашел его. Я величественно указал на опустошение, придав своему лицу разочарованное выражение. — «В этом нет чести, полковник. Вы думаете, эти солдаты бегут на смерть по собственной воле?»

Его глаза расширились. — «Вы правы, лорд Каин. Мои извинения». Он начал передавать мой приказ перестать превращать беззащитных имперских солдат в кашу, и я немного расслабился — какой бы вывод он ни сделал из моего поспешно импровизированного оправдания, на данный момент он его удовлетворил.

Через несколько мгновений артиллерийский обстрел прекратился по всей линии обороны, и над разрушенным ландшафтом перед нами воцарилась неестественная тишина, которую нарушали только далекие стоны раненых гвардейцев.

«Пошлите туда медиков с эскортом», — приказал я. «Нам нужны разведданные о противнике».

«Сию минуту, господин».

Вскоре из окопов вышли группы солдат и двинулись по опустошенной местности, подбирая раненых гвардейцев. Я прослушал вокс, но, похоже, имперские солдаты были слишком контужены, чтобы даже думать о стрельбе по людям, якобы пришедшим им на помощь. Было ли это потому, что они хотели жить, или потому, что одетые в алое солдаты выглядели довольно устрашающе, я точно не знал.«Лорд Освободитель», — сказал человек в красной мантии, которого я сразу опознал как одного из боргов, прикомандированных к ОАС, подойдя ко мне. — «Нам удалось взломать вражеское шифрование».

«Вам удалось? Отличная работа».

Так оно и было: если бы кто угодно мог взломать вокс-передачи Имперской Гвардии, это сделало бы почти всю Тактику Империалис бесполезной. В очередной раз эффективность боргов удивила меня, но сейчас я не мог злиться на это: мне срочно нужно было узнать, что, черт возьми, происходит.

«Что вы можете сказать мне о ситуации? Вы узнали, на что мы только что растратили боеприпасы наших орудий?»

«Нет, господин», — сказал он (или она, оставшихся плоти и крови не хватало для полной уверенности), покачав головой. «На линиях много криков, и получить четкую картину сложно». Что ж, это не было совсем уж удивительно, учитывая ту резню, которую они только что перенесли. «Однако мы знаем, что ответственным офицером является некий коммандер Ченков».

«Ченков», — повторил я после секундного молчания. — «Кубрик Ченков? Командир Валхалльского 18-го пехотного полка?»

«Неизвестно. Но части 18-го Вальхалльского полка были идентифицированы во время этого опрометчивого нападения».

«Тогда это определенно он», — пробормотал я себе под нос. Теперь все это обрело смысл.

«Вы знаете этого человека?» — спросил Игдаль, бросив острый взгляд в мою сторону.

О да, я знал. Я никогда не встречал его, слава Трону, но определенно слышал о нем. История Кубрика Ченкова использовалась моими наставниками в Схоле как своего рода наглядный пример во время моего комиссарского обучения.

Ченков был командиром 18-го Вальхалльского полка по прозвищу «Волки Тундры», имя которого звучало весьма впечатляюще, но реальность заключалась в том, что 18-й пехотный полк Вальхаллы был одним из крупнейших полков в Империуме, сосредоточением живой силы, которую любой достойный тактик мог бы использовать с колоссальным успехом. К сожалению, Ченков не был великим тактиком, да и тактиком в принципе.

Во время осады Котракса, получившей слишком уж громкое имя, Ченков принял на себя командование всей операцией с помощью запугивания, а затем приказал гвардейцам атаковать в лоб опорный пункт противника, удерживаемый всего несколькими сотнями повстанцев, без какой-либо артиллерийской и авиационной поддержки. Вальхалльский командующий лично казнил десятки собственных людей, протестовавших против безумного приказа, хотя это число было лишь каплей в море по сравнению с последовавшей за этим бойней.

Как оказалось, к удивлению абсолютно никого, кроме самого Ченкова, массированная пехотная атака на укрепленные оборонительные позиции не сработала. Более десяти миллионов солдат погибли в результате этого безумия, не добившись своей кровью ровно ничего и только окропив кровью земли Котракса, и все это время сам Ченков оставался далеко-далеко за линией фронта, потягивая горячий рекаф, наблюдая за резней проводимой, как я подозревал, основательно сбитыми с толку еретиками, недоумевавшими, что они сделали для своих Темных Богов, чтобы те вознаградили их такой неожиданной тактической удачей.

К счастью для Ченкова, ударная группа Гвардии Ворона проникла в цитадель, пока ее защитники чесали затылки из-за его глупости, и сумела взорвать склады с боеприпасами, прежде чем без лишнего шума покинуть планету, призванные на очередное поле боя. Проявив откровенно поразительную наглость, Ченков заявил, что взрыв был результатом того, что люди, которых он послал на смерть, сумели прорваться в крепость и вынудили врага уничтожить крепость назло Империуму. Его отчет также сильно преувеличил силу сопротивления, с которым они столкнулись: маленькая цитадель превратилась в монументальную крепость, укомплектованную десятками тысяч лучших солдат повстанцев, уничтожение которых якобы переломило хребет планетарному восстанию и привело к победе Империума на Котраксе.

Поскольку Ченков принадлежал к одному из самых авторитетных родов Валгаллы, его версия событий не подвергалась сомнению до тех пор, пока он не получил Благословение Высших Лордов и не был назначен командиром воссозданного полка. Это событие явно ничему его не научило, и он продолжал отправлять своих солдат волну за волной на смерть в каждой кампании, в которой участвовал впоследствии, сам всегда оставаясь вдали от опасности. Было хорошо известно, что его болт-пистолет убил намного больше его собственных людей, чем врагов. Пропаганда Сегментума также сыграла роль в легенде, используя Ченкова для поддержки образа, что Имперская Гвардия может сокрушить любого врага с помощью чистой мощи Человечества и храброй жертвы героических (но навеки безымянных) детей Валгаллы, которые имели несчастье попасть под командование Ченкова.

К тому времени, когда правда о произошедшем на Котраксе была раскрыта, было уже слишком поздно. Мои наставники представили все это как пример того, как важно помнить о более широкой картине, о поддержании морального духа, как иногда необходимы компромиссы и как

тот факт, что Комиссариат часто был посвящен в информацию, которую нужно было хранить в секрете. Согласно регламенту, Ченкова давно должны были расстрелять, но политика и высшие потребности Империума сделали его недосягаемым для Комиссариата… пока что. Насколько я понял, казнь Ченкова была лишь отложена. Комиссариат очень негативно относился к любому члену Имперской Армии, убивающему солдат без алого пояса.

Конечно, главный урок, который я извлек из всего этого, заключался в том, чтобы ни при каких обстоятельствах не оказаться рядом с этим маньяком. Из тех, кого Карамазов мог выбрать для руководства своей опергруппой, были варианты и похуже, но не так много.

Я кратко изложил все это полковнику, который, естественно, воспринял это как подтверждение своей веры в то, что все имперские командиры — некомпетентные, врожденные прихопаты, что тратят жизни своих людей, как пули из автопушки в руках чересчур увлеченного огрина. Я хотел было сказать ему, что люди вроде Ченкова были скорее исключением, чем правилом, но передумал.

В конце концов, я хотел, чтобы восстание потерпело поражение, столкнувшись с компетентным и разумным имперским ответом. А недооценка своего врага всегда была хорошим способом получить по заднице, как я показал многим товарищам-подросткам на поле для скрамбола.

Выбор Карамазовым военачальника дал понять, что эта экспедиция не вернет Славенберг обратно в лоно Империума. Я, может, и не высоко оценивал шансы ОАС против имперских сил должным образом обученных, экипированных и под грамотным командованием, но глупость Ченкова легко могла стоить целого Легиона Титанов на стороне противника.

«Милорд», — прервал мои мысли голос в моей комм-бусине на частоте, зарезервированной для срочных передач (от чего у меня сразу же зачесались ладони). «Это наблюдательный пункт Гамма-Двенадцать. Мы видим движение: имперцы готовятся к новой атаке».

«Что?!» – воскликнул я прежде, чем смог себя остановить. — «Вы уверены?»

Нет, неважно. Он бы не связался со мной лично, если бы не был. — «Вы знаете, что они планируют?»

«Насколько мы можем судить по их передачам, то же самое, что и раньше. Мы слышим много переговоров о том, что в первой атаке солдатам не хватило веры в Императора».

Я был искренне потрясен. Я бы не стал притворяться, что меня волнуют жизни солдат Славкенберга за рамками использования их в качестве мясных щитов для защиты моей собственной шкуры, но это было уже не просто расточительно, а просто омерзительно. Первая волна имела по крайней мере преимущество внезапности: неужели Ченков думал, что сможет победить, бросая на нас гвардейцев, пока у нас не закончатся патроны? Руководство ОАС состояло из кучки культистов Кхорна, и даже они не были бы такими черствыми.

«Эвакуируйте заключенных в конец линии», — приказал я. — «Посмотрите, сможете ли вы найти среди них людей, готовых связаться по воксу со своими товарищами и сказать им, что, если они сдадутся, мы отнесемся к их жизням с большей заботой, чем их командир».

Против большинства сил Имперской Гвардии такая уловка была бы бесполезна: даже если бы вера солдат была настолько слабой, их комиссары просто пристрелили бы любого, кто даже просто на первый взгляд мог принять это предложение. Но это был полк Ченкова, чьи солдаты снова и снова гибли из-за некомпетентности их командира только для того, чтобы пополниться

еще большим количеством болтерного мяса из Валгаллы. У меня было ощущение, что эти солдаты воспримут предложение сдаться совсем по-другому, и в 18-м не было комиссаров со времен Котракса. Когда прибудет следующая имперская оперативная группа, я хотел, чтобы они увидели, что мы брали пленных, а не убивали раненых в массовых жертвоприношениях Темным богам.

«Будет сделано, Лорд-Освободитель», — отсалютовал Игдаль. — «А куда отправитесь вы?»

Я огляделся, ища выход из положения. Я не хотел оставаться в обороне: от меня ожидали, что я снова буду в первых рядах, и, несмотря на подавляющее преимущество ОАС в этом бою, достаточно было одного удачного выстрела, и я отправлюсь объясняться перед Императором лично.

Я посмотрел на подробную карту местности, которую выставил на своем планшете, и кое-что привлекло мое внимание.

«Юрген, — обратился я к своему помощнику, прежде чем указать на карту, — как ты думаешь, сможешь привести нас сюда, не привлекая внимания?»

Несколько секунд он задумчиво бормотал себе под нос, прежде чем кивнуть. Я повернулся, чтобы посмотреть на солдат вокруг нас:

«Мне нужен отряд добровольцев», — сказал я им, немедленно привлекая внимание каждого солдата поблизости. «Мы собираемся провести разведку боем в горах: я хочу знать, что, черт возьми, они делают».

С помощью Юргена мы легко смогли пройти путь через неуклонно растущие холмы, оставив позади затихающие звуки битвы. Путешествие напомнило мне о том, что случилось с Дрогиро Гиорбой, но солдаты прошли достаточную подготовку, маршировать, не вызывая еще одного оползня, и я позволил себе подумать, что, возможно, на этот раз мне повезет.

У меня было хорошее настроение из-за моей выдуманной «миссии». Место, которое я выбрал, было как раз достаточно далеко от наших позиций, чтобы я мог выглядеть достаточно героически, отважившись выступить туда, но также в стороне от путей, по которым шли вальхалльцы. И со мной будет отряд солдат, так что с любыми отставшими (или, что более вероятно, умными солдатами, пытающимися избежать бойни) будет легко справиться.

Поэтому, ну разумеется, оказалось, что сам Ченков уже был там, когда мы прибыли, вместе с десятком его лучших людей(или, учитывая его пристрастия, самых больших социопатов). Я бы отдал приказ спрятаться, но солдаты были одеты в ярко-красные панцирные доспехи, которые ну совсем не подходили для маскировки. Через несколько секунд мы укрылись за заснеженными грудами камней, и в них врезался шквал лазерных зарядов.

«Невероятно», — выдохнул сержант отделения, сопровождавшего меня и Юргена. — «Как вы узнали, что он будет здесь, сэр?»

«Я не знал наверняка», — достаточно откровенно ответил я ему, мысленно проклиная себя, Ченкова и Темных Богов. Разумным ходом было бы отступить и вызвать артиллерийский удар, но я сомневался, что Ченков остался бы на этом месте достаточно долго для этого после нашего отхода. Этот человек, возможно, до сих пор и не впечатлил меня глубиной своего интеллекта, но у него явно был хороший инстинкт самосохранения, чтобы пережить свои многочисленные проделки. Кроме того, бегство не пошло бы на пользу моей репутации.

Поэтому я смирился с неизбежным и обратился к своему помощнику. — «Юрген, не могли бы вы?»

«Конечно, сэр», — ответил он, проявляя не больше беспокойства, чем если бы я попросил его наполнить мой стакан с амасеком.

Он вышел из укрытия, немедленно привлекая к себе огонь, но попавшие в него лазерные заряды бесполезно били по его собственному панцирному доспеху. Воздух наполнился запахом озона, и по моей коже побежали мурашки статики, когда он призвал неестественные силы, которые в свое время привлекли к нему внимание торговцев людьми, похитивших его в Валгалле.

Я чувствовал давление на мой череп, все нарастающее и нарастающее, как головная боль на грани мигрени. Солдаты ОАС вокруг меня застонали от боли, но держались, то ли из страха быть застреленными в случае движения, то ли, что более вероятно, из-за нежелания выглядеть слабыми перед своими товарищами, не говоря уже о своем славном Освободителе.

Что касается меня, то я присутствовал при превращении Эмели в демона. Происходящее сейчас, хоть и неприятно, ничто по сравнению пережитым тогда, и я стоически переносил это, краем глаза замечая еще больше благоговейных взглядов солдат в мою сторону.

Через несколько секунд Юрген закончил собираться с силами и начал атаку. Из нездорового любопытства (и шепчущейся в голове мысли, что мне, возможно, придется однажды сразиться с ним самому и необходимости узнать все, что я могу о его способностях), я взглянул, и мне пришлось сдерживать свои эмоции, чтобы они не отразились на моем лице в тот момент.

Первые пять умерших гвардейцев просто разорвались на части, будто в их желудке взорвалась граната. Лазерный огонь тут же прекратился, когда выжившие застыли на месте — и половина из них тут же перестали быть выжившими, поскольку их шеи скрутились на триста шестьдесят градусов с тошнотворным хрустом. Семь оставшихся солдат начали кричать от шока и ужаса, прежде чем Юрген хлопнул в ладоши перед собой, и их черепа расплющило, словно кулаком невидимого огрина.

Все это заняло меньше пары ударов сердца (а мое сердце в тот момент билось довольно-таки быстро). Юрген повернулся, чтобы посмотреть на меня с выжидательным выражением лица, чем немного неуместно напомнил мне собаку, смотрящую на своего хозяина после выполнения трюка и ожидающую угощения.

«Молодец, Юрген», — слабо сказал я. К счастью, он, похоже, ничего не заметил, и я снова обратил внимание на бойню, которую он устроил, и какое-то движение привлекло мой взгляд.

К моему удивлению, Ченков остался жив. Он оставался позади своих солдат, когда они открыли огонь, и, таким образом оставался вне поля зрения Юргена (или, возможно, мой помощник намеренно пощадил его по той или иной причине).

Вполне понятно, что он бросился бежать, спасая свою жизнь, обратно по дороге, по которой он и его соратники прибыли сюда. Но как бы я ни сопереживал его желанию сохранить ему жизнь, в тот момент я не чувствовал к нему никакой жалости. Я мог бы простить ему прибытие на Славкенберг: он был офицером Имперской Гвардии и выполнял приказы. Я мог простить участие в операции, целью которой было убить меня: я принимал участие в восстании против Золотого Трона, какими бы ни были обстоятельства. Но абсолютная расточительная некомпетентность, с которой он вел эту кампанию, разрушила мои шансы тщательно спланировать поражение восстания и возвращение Славкенберга в Империум малой кровью.

Кроме того, я поклялся исполнять свои обязанности члена Комиссариата, и если когда и существовал имперский офицер, заслуживающий внимания комиссара, то это был Кубрик Ченков.

Поэтому я выхватил свой болт-пистолет, тщательно прицелился и произвел единственный выстрел ему в спину. Я никогда не был лучшим стрелком в своем классе и предпочитал лаз-пистолет более тяжелому оружию, с которым я теперь застрял из соображений имиджа. Но Ченков был менее чем в тридцати метрах от меня на открытой местности и бежал строго по прямой (что было еще одним признаком того, что этот человек никогда даже не видел реального боя). Если бы я не мог поразить цель в таких обстоятельствах, мои инструкторы никогда бы не выпустили меня.

Мой выстрел попал в цель, и командир Волков Тундры упал ниц в потоке крови, когда болт взорвался, разорвав его униформу и большую часть туловища. Чувствуя взгляды солдат на мне и осознавая необходимость продолжать играть в соответствии с их представлением обо мне, я подошел по снегу к трупу и перевернул его сапогом. Его лицо застыло в посмертной маске ужаса, и я почувствовал, как по спине пробежали мурашки от этого зрелища, не имевшие ничего общего с холодом.

Это был первый раз, когда я сам преднамеренно убил члена Имперской Гвардии. Как будущий комиссар, я знал, что этот день наступит задолго до того, как Эмели втянула меня в эту передрягу, хотя я твердо намеревался делать это как можно реже, чтобы не нарисовать себе на спине мишень в глазах солдат, за чью мораль я бы отвечал. Но, как я уже говорил, если кто и заслуживал расстрела комиссаром, так это Ченков. Этот человек был виновен в гибели миллионов солдат Императора и совершенно не желал брать на себя ответственность за это.

И все же, глядя в его мертвые глаза, я чувствовал… что-то. «Может быть, души гвардейцев, погибших в Котраксе, теперь смогут упокоиться с миром», — подумал я про себя, прежде чем стряхнуть внезапный приступ меланхолии.

«Что нам теперь делать, сэр?» — спросил сержант. Хороший вопрос; Я размышлял о том же.

«Трупы мы возьмем с собой», — решил я. — «И кто-нибудь, свяжитесь с боргами: я собираюсь сделать заявление».

***

«Солдаты Империума, услышьте меня», — раздался низкий спокойный голос из вокс-динамиков поста связи. — «Я Кайафас Каин, и я выступаю от имени Освободительного совета, правительства Славкенберга по воле его народа.

Несколько мгновений назад от моих рук пал командир Ченков. Он не погиб вместе с тысячами ваших братьев, которых он отправил умирать в бессмысленной атаке без поддержки на установленные оборонительные рубежи. Вместо этого я убил его, пока он прятался далеко за линией фронта, убив нескольких ваших товарищей, чтобы заставить остальных идти в бой, несмотря на мрачную судьбу, к которой его некомпетентное руководство привело первую волну атаки, отказываясь признать свои собственные неудачи.

Я не ищу конфликта с вами, потому что я знаю, что никто из вас не явился сюда по собственному выбору, и вы не причинили никакого вреда моему народу. Те из ваших товарищей, что выжили, взяты в плен, и мы отнеслись к ним со всем уважением, которое настоящие воины заслуживают друг от друга.

Это недостойная война – война, которая даже никогда не должна была начаться, потому что мы все дети Человечества. Слишком многие из ваших братьев уже погибли напрасно; вам не нужно бросать свои жизни в этот костер высокомерия Ченкова.

Я молю вас сдаться. Вам не победить нас, и вы знаете, что ваши хозяева не позволят вам отступить. Мы не станем нападать, потому что в этих горах для нас нет ничего ценного, и ни Совет Освобождения, ни я не будем жертвовать храбрыми солдатами под нашим командованием.

Знайте: ваши хозяева заставят вас умереть ни за что, просто потому, что альтернативой является признание своей неправоты, а этого они никогда не сделают.

Вам нет нужды умирать за их хрупкое эго. Бросьте свое оружие и спуститесь с гор, и мы встретим вас миром. Клянусь своей душой, что от нас вам бояться меньше, чем от тех, что считают себя лучше вас, а сами прячутся от опасности на орбите».

Передача закончилась, оставив после себя тишину, которую нарушал лишь завывание ветра. В роскошном горном поместье, которое считалось наземным штабом имперской экспедиции, оставшиеся вальхалльские офицеры переглянулись. Их было трое, и каждый из них смог пережить годы, проведенные полком под командованием Ченкова. Единственная причина, по которой они продержались так долго, была та же самая, по которой они избежали отправки в атаку и на этот раз: они были лучшими в 18-м по вопросам логистики, и даже такой человек, как Ченков, знал о необходимости людей, способных уберечь его солдат от голода и нехватки боеприпасов.

Что же, он знал до сего момента. Сам факт, что Ченков немедля не опроверг заявления этого «Каина», был довольно убедительным доказательством правдивости слов человека, объявившего о смерти их командира.

«Мы могли бы вернуться на орбиту», — предложил офицер, заговоривший первым. — «У местных нет ничего, что могло бы сбить транспорты в пути, и даже если они попытаются пересечь горы, то людей у нас осталось немного, и эвакуация уже завершится, когда они доберутся сюда. Как только мы получим подкрепление от командования Сектора и, ну знаете, займем лучшую зону высадки, мы все еще сможем победить».

«Да», — согласился другой, — «но с этим есть одна проблема. Ты хочешь тем, кто расскажет Карамазову, как мы покинули планету в тот самый момент, когда погиб наш командир?»

«А, я понимаю, что ты имеешь в виду».

По крайней мере, Ченков убивал только тех, кто не подчинялся его приказам. Или не исполнял их с достаточной, на его вкус, расторопностью. Или не проявил к нему то, что он считал должным уважением. Или просто не так посмотрел на него, что бы это ни значило…

Как бы то ни было, Ченков убил много гвардейцев с тех пор, как Инквизитор созвал войска для освобождения Славкенберга от еретиков. И все же Ченкова все боялись даже вполовину не так сильно, как Инквизитора Карамазова - человека, что приказал казнить целую группу высокопоставленных офицеров Милитарума и клерков Муниторума просто для ускорения сбора оперативной группы.

«На что хотите поспорить, что если мы попросим инструкций, Инквизитор просто прикажет сражаться до конца и положить свои жизни на службу Императору?» — спросил третий с горькой улыбкой.

«Я тебе кажусь идиотом?» — возразил первый, прежде чем оглядеть своих товарищей одного за другим. — «Так что вы думаете? Сдаться?»

«Ну, в конце концов, их босс убил Ченкова. Офицер плюнул на имя человека, из-за которого было убито так много хороших вальхалльских солдат, и получил за это чертов полный ящик медалей. — «Значит, они не могут быть такими уж плохими».

«Твоя правда. Как вы думаете, мы можем предложить ему выпить? У меня все еще есть чайник танны».

***

На мостике «Пылающего возмездия» Федор Карамазов кипел праведным гневом. Экипаж вокруг него хранил почтительное молчание, занимаясь своими обязанностями, а вокс-офицер, передавшая сообщение с поверхности, быстро вернулась на свой пост.

Командир Ченков, герой Империума, которого он назначил предводителем вооруженных сил, призванных Карамазовым под свое знамя, был мертв, предательски убит самим гнусным предводителем еретиков, ренегатом Кайафасом Каином. И не успел он испустить последний вздох, как остатки никчемного сброда, который некомпетентные олухи в командовании Сектора послали ему вместо затребованных им истинных солдат Бога-Императора, нарушили свои клятвы Золотому Трону, и сдались врагу, обрекая свои души на погибель просто для продления своих жалких жизней.

Было ясно, что лидерство Ченкова было единственным, что удерживало их вместе. Оглядываясь назад, можно сказать, что многие казни, которые Командующий был вынужден осуществить на пути к этой системе, могли быть признаком преднамеренного саботажа Милитарумом этой священной кампании.

Когда стало очевидно, что еретики были слишком безвольны, чтобы осмелиться напасть на хорошо защищенную позицию, избранную Карамазовым и Ченковым для высадки (неприступную и в то же время являвшуюся домом для последней незапятнанной святыни Бога-Императора на Славкенберге, явно знак Его воли), Ченков предложил перейти в наступление. Было ясно, что рабам Архиврага на планете настолько не хватало мужества и мастерства, что они сломились бы перед мощью Молота Императора.

И это бы сработало, в этом Карамазов был уверен, если бы не вероломство солдат, которые, как доложил Ченков, не подчинились его приказам и каким-то образом забыли взять с собой перевезенные на базу танки и бронетехнику, что привело к неспособности первой волны достичь всех поставленных целей. Не в силах доверять своим подчиненным, Ченков смело ушел на фронт, чтобы лично возглавить своих людей (независимо от очевидной для всех лжи этого еретика Каина об обратном – ведь как мог Ченков встретиться с предводителем предателей, если он не был на передовой?), только чтобы погибнуть в героическом бою.Карамазов глубоко вздохнул, чтобы сосредоточиться, сдерживая праведный гнев, что пылал в его разуме, не позволяя эмоциям управлять его действиями и заставлять его набрасываться на окружающих. Как только он был уверен, что сможет сдержать свою ярость, он повернулся к капитану корабля, который выпрямился, когда взгляд его повелителя пал на него.

«Прикажите готовиться к Экстерминатусу», — объявил Карамазов голосом ясным и холодным, как ярость Его Божественного Величества. — «Если Славкенберг упорствует в своем неповиновении Богу-Императору, то он сгорит. И подготовьте еще одну планетарную

трансляцию: я хочу, чтобы эти грязные еретики знали, что грядет кара, и что их вероломные лидеры и грязные боги ничего не могут сделать для их спасения».

http://tl.rulate.ru/book/89867/2941524